

№ 134

Суббота, 18-го іюня 1911 года.

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Чеховъ и Щегловъ.

Однимъ изъ самыхъ дорогихъ украшеній рабочаго уголка покойнаго Щеглова былъ портретъ А. Чехова съ дружеской надписью: ...«На добрую нѣжную память о старинѣ глубокой, когда мы познакомились...»

Въ записной книжкѣ умершаго Щеглова сохранилось много чеховскихъ сюжетовъ, импровизованныхъ подъ наплывомъ извѣстнаго настроенія и таявшихъ къ концу бесѣды.

Чеховъ предостерегалъ Щеглова отъ увлеченія театромъ.

— Вы хотите спорить со мной о театрѣ?—писалъ онъ.—Сдѣлайте ваше одолженіе, но замъ не переспорить моей нелюбви къ эшафотамъ, гдѣ казнятъ драматурговъ. Современный театръ, это—мръ безтолочи, тупости, пустозвонства!..

«Водевиль» являлся, нѣкоторымъ образомъ, мировымъ посредникомъ между Чеховымъ и театромъ. Что же касается личныхъ пріятельскихъ отношеній Чехова къ Щеглову, то тутъ-то водевиль и сыгралъ негласную роль свата, и самъ Чеховъ признавался, что его первая симпатія къ И. Л. онъ почувствовалъ, посмотрѣвъ у Корша комедію «Въ горахъ Кавказа», которую, однако, считалъ «счастливымъ образчикомъ русскаго водевиля».

Щегловъ любилъ разсказывать о случаяхъ спасенія имъ Чехова отъ назойливыхъ гостей, мѣшавшихъ во время спѣшной работы.

— Чеховъ,—разсказывалъ Щегловъ,—перерабатывалъ своего неудачнаго «Лѣшаго»,—изъ чего получилась лучшая драматическая вещь «Дядя Ваня»,—и былъ въ особенно возбужденномъ состояніи, когда такъ хочется работать. Изъ окна отведеннаго мнѣ флигеля было видно, какъ къ крыльцу скромнаго чеховскаго домика подкатывали брички, тарантасы, а въ маленькой проходной комнатѣ, возлѣ кабинета, не переводились мужики и бабы,—кто за дѣломъ, кто за пустяками, кто за врачебной помощью... Въ довершеніе несчастья къ завтраку свалился, какъ снѣгъ на голову, гость изъ Москвы,—невѣдомый толстый нѣмецъ, молодой и франтоватый, чуть ли не зубной врачъ, котораго Чеховъ какъ-то случайно встрѣтилъ въ Москвѣ, около клиники, и, какъ «коллегѣ» въ нѣкоторомъ родѣ, сообщилъ свой адресъ.

Нѣмецъ оказался довольно добродушнымъ малымъ и сразу выложилъ свои карты. Дѣло въ томъ, что у него была запасена гдѣ-то невѣста,—онъ собирался жениться, для чего и хлопоталъ трехмѣсячный отпускъ. И вотъ, проѣздомъ ему пришло въ голову заѣхать къ «коллегѣ» и погостить недѣлку-другую.

« При послѣднихъ словахъ я внутренно похолодѣлъ за Чехова и рѣшилъ во что бы то ни стало спасти его отъ нѣмца... И я сталъ усиленно его гипнотизировать, объяснять, что Чеховъ—первый русскій писатель, что онъ серьезно боленъ и нуждается въ полномъ покоѣ, что если русскіе люди некультурны и этого не понимаютъ, то онъ—культурный сынъ кудъ-

турной страны,—конечно, все пойметъ. Нѣмецъ посмотрѣлъ съ уныніемъ на свой великолѣпный чемоданъ и вдругъ рѣшительно выпалилъ:

— Вы правы, Негг Щегловъ: всякій чортъ сюда лѣзетъ!.. Давайте ѣзжать назадъ!

Я почти со слезами обнялъ благороднаго нѣмца,—сначала, признаться, я понялъ его фразу въ единственномъ числѣ и не разобралъ, что онъ ставить на одну доску свое шапочное знакомство и мою десятилѣтнюю дружбу.

Нечего было дѣлать,—надо было «ѣзжать назадъ»... вмѣстѣ ужъ выручать товарища, такъ выручать!

Но этимъ анекдотъ не кончается...

Выѣхали мы во-время и ѣхали все время благополучно, когда на половинѣ дороги нѣмецъ вдругъ поблѣднѣлъ, и, ухвативъ кучера за кушакъ, оставилъ тарантасъ.

— Что случилось?

Нѣмецъ тупо смотритъ на меня.

— Надо ѣзжать назадъ: я забылъ мой пальто!..

Мнѣ сдѣлалось нехорошо. Но внезапная счастливая мысль озарила меня, и ко мнѣ вернулось самообладаніе.

— Что-жъ, вернемтесь,—съ мнимой покорностью поддакнулъ я,—только очень жалъ... что вашей свадьбѣ теперь не бывать.

— Это зачѣмъ?—спрашиваетъ ужаснувшийся нѣмецъ.

— Очень просто, зачѣмъ,—затѣмъ, что нѣтъ на свѣтѣ хуже примѣты... какъ возвращаться съ пути назадъ! Во время путешествія это—самое роковое предзнаменованіе!..

Суевѣріе помогло. Мы двинулись въ путь, а Чеховъ, занятый «Дядей Ваней», былъ спасенъ».